

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ И ОБЗОРЫ

УДК 343.346; 343.9; 343.14

«Стандарт доказывания» состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы

В. Ф. Щепельков, В. Н. Бурлаков, Н. Г. Стойко, Н. А. Сидорова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Щепельков, Владислав Ф., Владимир Н. Бурлаков, Николай Г. Стойко, Наталия А. Сидорова. 2019. «Стандарт доказывания» состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 373–389. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.212>

Статья посвящена проблеме применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в отношении преступлений, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса РФ, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в случае, когда виновное лицо скрылось с места дорожно-транспортного происшествия. В настоящее время существует запрет устанавливать состояние опьянения по рассматриваемой категории уголовных дел любыми иными способами, кроме медицинского освидетельствования. Авторы исследуют названную проблему с точки зрения криминологической обоснованности включения в УК РФ норм об уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения, единого «стандарта доказывания» по уголовным делам (единства требований к уголовно-процессуальному доказыванию), а также с учетом сложившихся на практике и в доктрине подходов (в том числе под влиянием Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ). По их мнению, данный запрет вступает в противоречие с уголовно-правовым принципом справедливости, в определенной мере ставит под сомнение криминологическую обоснованность уголовной ответственности за совершение преступлений в состоянии опьянения, ведет к нарушению единства требований к уголовно-процессуальному доказыванию (единого «стандарта доказывания»), а также провоцирует подозреваемых в совершении дорожно-транспортного преступления на то, чтобы скрыться с места совершения преступления. Решение проблемы они видят в отмене указанного запрета с сохранением существующе-

го уголовно-правового и процессуального регулирования рассматриваемой ситуации в целом и вносят предложения законодателю.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, алкогольное опьянение, медицинское освидетельствование, оставление виновным места происшествия, *стандарт доказывания*.

1. Введение. Постановка проблемы. Поводом к написанию данной статьи послужило рассмотрение Конституционным судом РФ (далее — КС РФ) обращения Президиума Ивановского областного суда о соответствии Конституции РФ положений п. 2 примечаний к ст. 264 Уголовного кодекса РФ¹ (далее — УК РФ) в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им формируемой правоприменительной практикой, препятствуют привлечению к уголовной ответственности по ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения и скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП) до прибытия должностного лица, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспорта, с целью избежать обязательного медицинского освидетельствования.

Суть дела состоит в следующем. Приговором Фрунзенского районного суда г. Иваново от 24 октября 2016 г. Журавлев С. А. осужден по ч. 6 ст. 264 УК РФ. Он признан виновным в том, что 22 марта 2015 г., управляя автомобилем в состоянии опьянения, нарушил правила дорожного движения, и это повлекло по неосторожности смерть двух лиц. Журавлев С. А. скрылся с места ДТП, в ходе предварительного расследования объявлялся в розыск, явился к следователю 16 марта 2016 г. (спустя год после совершения преступления), когда возможность проведения его медицинского освидетельствования на состояние опьянения была утрачена. Вывод о нахождении виновного в момент управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения вследствие употребления спиртного (водки и шампанского) в ночь с 21 на 22 марта 2015 г. сделан судом в результате анализа иных доказательств: собственных показаний подсудимого, показаний свидетелей, потерпевших, кассового чека на приобретение двух бутылок водки, видеозаписи из ночного клуба «Рокко», актов медицинского освидетельствования лиц, с которыми Журавлев С. А. совместно и наравне распивал спиртные напитки. Апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 30 января 2017 г. приговор суда в отношении Журавлева С. А. оставлен без изменения, апелляционные жалобы, в которых оспаривались квалификация содеянного по ч. 6 ст. 264 УК РФ и размер назначенного наказания, — без удовлетворения. Постановлением судьи Ивановского областного суда от 4 мая 2017 г. отказано в передаче кассационной жалобы на приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 24 октября 2016 г. и апелляционное постановление Ивановского областного суда от 30 января 2017 г. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Постановлением судьи Верховного суда РФ (далее — ВС РФ) от 28 сентября 2017 г. аналогичная по содержанию кассационная жалоба о пересмотре состоявшихся в отношении Журавлева С. А. судебных решений передана на рассмотрение в судебном

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 10 сентября, 2018. <http://www.consultant.ru>).

заседании президиума Ивановского областного суда. Постановлением президиума Ивановского областного суда от 17 ноября 2017 г. производство по данному уголовному делу в суде кассационной инстанции приостановлено в связи с обращением в КС РФ с запросом о проверке конституционности положений п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ.

Согласно п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ², лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством РФ об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ.

По мнению Президиума Ивановского областного суда данное законоположение противоречит ст. 1, 15 (ч. 4), 18, 19, 45 (ч. 1) и 46 (ч. 1) Конституции РФ, поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не предполагая возможность подтвердить состояние опьянения иными, кроме медицинского освидетельствования, доказательствами, препятствует привлечению к ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, лиц, скрывшихся с целью уклониться от освидетельствования с места ДТП до прибытия должностного лица, наделенного правом контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспорта, что не отвечает требованиям справедливости мер уголовно-правового характера, направленных в числе прочего на предупреждение новых преступлений, и, вопреки конституционному принципу равенства, ставит этих лиц в преимущественное положение по сравнению с теми, чья виновность в совершении других уголовно наказуемых деяний в состоянии опьянения может быть установлена на основе иных доказательств³.

Таким образом, возникла необходимость научного осмысления сложившейся ситуации, когда в российском уголовном законодательстве предусмотрена, по сути, неопровержимая презумпция нахождения лица, привлекаемого к ответственности по ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, в трезвом состоянии только потому, что это лицо не прошло медицинское освидетельствование. Фактически указанная презумпция (материально-правовая по природе), являясь формальным уголовно-правовым средством доказывания⁴, означает введение особого «стандарта доказывания»⁵ по

² Пункт 2 включен в УК РФ Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ в связи с запросом Ивановского областного суда».

⁴ См. подробнее о понятии и правовом значении презумпций: (Смирнов 2018, 29–209).

⁵ «Стандарт доказывания» — термин, употребляемый рядом авторов в науке процессуального права (см., напр.: Муравьев 2018). Берется нами в кавычки, поскольку не относится к числу устоявшихся научных понятий и не используется законодателем.

делам о дорожно-транспортных преступлениях, в основе которого лежит запрет устанавливать состояние опьянения по рассматриваемой категории уголовных дел любыми иными способами, кроме медицинского освидетельствования. Данное обстоятельство, по-видимому, вступает в противоречие с уголовно-правовым принципом справедливости, в определенной мере ставит под сомнение криминологическую обоснованность уголовной ответственности за совершение преступлений в состоянии опьянения, а также ведет к нарушению единства требований к уголовно-процессуальному доказыванию (единого «стандарта доказывания»).

2. Основное исследование. *Криминологическая подоплека (обоснованность) включения в Уголовный кодекс РФ норм об уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения.* Уголовное законодательство РФ в действующей редакции не исключает возможности признания общественной опасности личности виновного в качестве признака состава преступления. Если ориентироваться на первоначальную редакцию УК РФ 1996 г., то оснований для такого вывода не будет. Однако можно отметить, что уже в первоначальной редакции в составе преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 321 УК РФ, в качестве признака специального субъекта преступления указан статус осужденного (Лебедев и Галахова 2009, 1020), который, безусловно, относится к характеристике личности преступника (Павлов 2001, 203 и сл.).

В течение первых лет действия УК РФ личность виновного не рассматривалась в качестве признака состава преступления, но являлась одним из критериев дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности⁶ (ст. 60, 75, 80¹ УК РФ). Но последовавшие изменения и дополнения УК позволяют считать, что законодатель стал расширять понятие субъекта преступления путем введения в состав преступления некоторых характеристик личности. Так, согласно Федеральному закону от 07.12.2011 № 419-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» характеристика личности преступника в качестве признака субъекта преступления появилась в ст. 264 УК РФ (деяние, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения). Согласно Федеральному закону от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» характеристика личности преступника появляется в составе преступления, предусмотренного ст. 131, 132, 134 и 135 УК РФ (деяние, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего).

Данная тенденция не случайна. Отказываясь на первом этапе реформирования уголовного законодательства России от понятия общественной опасности личности преступника в качестве признака состава преступления, законодатель находился под влиянием чрезмерно либеральной политики того времени, которая критически относилась ко всему прошлому, включая и уголовную политику. Однако развивающиеся социальные условия вкупе с криминогенной обстановкой заставили законодателя обратиться к правовым традициям, характерным для уголовно-

⁶ О понятии уголовной ответственности и условиях ее наступления по российскому уголовно-праву см., напр.: (Musin and Kropachev 2011, 147–148, 187, 189–190, 191–193).

го права не только России предшествовавшего периода, но и многих зарубежных стран (Козочкин (ред.) 1999, 96 и сл.).

Личность преступника нельзя выводить за рамки состава преступления, если она определяет характер и степень общественной опасности предусмотренного в этом составе деяния. Человек осуждается за совершенное им деяние, а не потому, что он плохой или хороший. Но порой преступление совершается только потому, что его субъект обладает определенными качествами, без которых оно утрачивало бы общественную опасность или вообще не могло быть совершено. Например, самоуправство может стать превышением должностных полномочий в случае, если оно совершается представителем власти; оставление в опасности превращается в неоказание помощи больному, если субъектом выступает лицо, являющееся врачом или иным лицом, обязанным в соответствии с законом ее оказывать, — и такие примеры можно продолжить. Поэтому законодатель вынужден включать в состав преступления характеристику личности тогда, когда она сама по себе определяет общественную опасность деяния. В тех случаях, когда эта характеристика непостоянна и может изменяться по шкале от минимальной до максимальной степени выраженности, законодатель не включает ее в состав преступления, разумно полагая, что ее значение будет учтено при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Такая позиция основывается на криминологическом учении о личности преступника. Согласно этому учению, под личностью преступника понимается определенная совокупность свойств и качеств субъекта преступления, которые повышают общественную опасность преступления, под влиянием которых оно было совершено или которые существенно облегчили его совершение. Такую совокупность свойств и качеств субъекта можно разделить на две группы признаков (Бурлаков 2006, 33–34). К первой относятся те признаки, которые проявились непосредственно в совершенном преступлении (мотивы преступления, сознательная деятельность в форме умысла и неосторожности, криминальная активность в процессе совершения преступления в разных формах и видах соучастия, психофизическое состояние в форме физиологического аффекта или состояния опьянения и др.). Ко второй группе относятся социальные свойства личности, на основе которых можно прогнозировать рецидив преступления (например, алкоголизм или наркомания). Следовательно, состояние алкогольного опьянения является таким свойством личности, которое может влиять и на степень общественной опасности совершенного преступления, и на рецидив преступления у этого лица. Данное криминогенное влияние алкогольного опьянения и послужило причиной включения этого признака личности в состав преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ.

Вместе с тем в тексте диспозиции ст. 264 УК РФ и в п. 2 примечаний к этой статье нет указания на обязательное подтверждение состояния алкогольного опьянения положительным результатом акта освидетельствования на предмет наличия состояния алкогольного опьянения. При конструировании уголовно-правовых норм в российском уголовном праве нет традиции предусматривать обязательное подтверждение какого-либо признака состава преступления соответствующей экспертизой или освидетельствованием. В диспозиции статей Особенной части УК РФ указываются только признаки, при помощи которых устанавливается основание уголовной ответственности. Вопрос о том, как доказывается состояние опьянения,

подпадающее под один из признаков соответствующего состава преступления, находится вне сферы действия уголовного права (является предметом уголовно-процессуального регулирования) и совершенно не связан с криминогенным влиянием такого состояния. Более того, в известной мере претензия на подобное регулирование вопроса о доказывании состояния опьянения как обстоятельства уголовного дела противоречит приведенной выше логике криминологического обоснования отнесения данного состояния к признакам конкретного состава преступления (поскольку несправедливо сужает круг лиц, которые подлежат уголовной ответственности, но ситуативно ее избегают).

Итак, включение в состав преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признака «совершение преступления в состоянии опьянения» обусловлено исключительно повышенной степенью общественной опасности деяния по смыслу этой статьи, так как пьяный водитель имеет более высокую предрасположенность к нарушению правил дорожного движения по сравнению с трезвым водителем, и само нарушение данных правил в этом состоянии создает реальную угрозу причинения более тяжких последствий, которые наступают при этом. Именно создание реальной возможности причинения большего вреда, обусловленное повышенной криминогенностью (Бурлаков и Кропачев (ред.) 2016, 59) личности водителя транспортного средства, находящегося в состоянии опьянения, и является основанием для усиления ответственности за деяния, предусмотренные ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ.

Вопрос о едином «стандарте доказывания» по уголовным делам (единстве требований к уголовно-процессуальному доказыванию). Уголовно-процессуальный закон предъявляет единые требования к уголовно-процессуальному доказыванию — регулируемой Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ) деятельности по установлению наличия или отсутствия фактических обстоятельств уголовного дела (ст. 73, 74 УПК РФ) путем собирания, проверки и оценки доказательств. Обстоятельства уголовного дела подлежат доказыванию в определенном законом порядке для целей уголовно-правовой квалификации и назначения уголовного наказания. Доказывание осуществляется с помощью полученных определенным путем доказательств, под которыми законодатель понимает любые сведения, если они имеют значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) и включены в число допускаемых в качестве доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Отсюда следует, что эти сведения (устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию) вводятся в уголовное дело в качестве доказательств путем использования одного из предусмотренных законом способов их собирания (следственных и иных процессуальных действий) (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). При этом доказательства не имеют заранее установленную силу (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), т. е. в рамках определенных законом процедур досудебного и судебного производства всегда предполагается проверка доказательств (ст. 87 УПК РФ), а также их оценка (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) судом, прокурором, следователем и дознавателем по их внутреннему убеждению, основанному на совокупности всех собранных доказательств (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

Иначе говоря, доказательства формируются в течение всего уголовного судопроизводства и являются результатом собирания, проверки и оценки сведений, каждое из которых необходимо, а все вместе достаточно для установления подлежащих доказыванию обстоятельств (ст. 74, 85 УПК РФ).

Следовательно, с точки зрения уголовно-процессуального закона не может быть не только предустановленных доказательств, но и предустановленных обстоятельств, подлежащих доказыванию, за исключением обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором суда либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках административного, гражданского или арбитражного судопроизводства (ст. 90 УПК РФ).

Именно поэтому доказательства вступают в юридическую силу (окончательно установленную по смыслу ч. 2 ст. 17 УПК РФ) лишь при условии их достаточности для разрешения уголовного дела (в смысле ч. 1 ст. 88 УПК РФ), а обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, считаются доказанными лишь при условии их установления достаточными доказательствами и вступлении в законную силу приговора суда.

Таким образом, законодатель в одном случае понимает под доказательствами сведения, введенные в уголовное дело посредством одного из установленных законом способов собирания доказательств (в смысле ч. 1 ст. 86 УПК РФ) и находящиеся в процессе доказывания виновности и других обстоятельств уголовного дела (в смысле ст. 74 УПК РФ), а в другом — сведения, сформированные в результате процесса доказывания всех обстоятельств дела, окончательно подтверждающие их.

В первом случае доказательства считаются не предустанавливающими виновность лица и другие обстоятельства совершения преступления (не имеющими юридической силы), используются в доказывании и для доказывания (в широком смысле, вытекающем из ст. 74 УПК РФ) и являются оспоримыми сторонами процесса на всем его протяжении, причем оспоримость доказательств означает оспоримость соответствующих обстоятельств и служит очевидной гарантией обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Во втором случае доказательства считаются устанавливающими виновность лица и другие обстоятельства совершения преступления (имеющими юридическую силу), являются подтверждением законной силы приговора (в смысле ч. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 14 УПК РФ) и имеют неоспоримый характер (с точки зрения приведения приговора в исполнение). Такие доказательства не нуждаются в дополнительной проверке (и оценке) судом, прокурором, следователем и дознавателем при рассмотрении ими иного уголовного дела, фактические обстоятельства которого совпадают с обстоятельствами, ранее доказанными вступившим в законную силу приговором суда (ст. 90 УПК РФ), т. е. имеют преюдициальное значение.

Следовательно, установленными (доказанными) являются только те обстоятельства уголовного дела, которые подтверждены совокупностью доказательств, способных выражать законность, обоснованность и справедливость приговора (ст. 297 УПК РФ, преамбула и п. 3, 4, 6, 7 Постановления Пленума ВС РФ от 29.04.1996 «О судебном приговоре»)⁷.

На наш взгляд, приведенные положения, изложенные здесь в наиболее общем виде⁸, и составляют в своем единстве то, что может быть названо урегулированным законом «стандартом доказывания» по уголовным делам.

Очевидно, нахождение лица в состоянии опьянения применительно к составу преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, следует рассматривать

⁷ См. об этом, напр.: (Лебедев и Божьев (ред.) 2014, 791–792).

⁸ См. об этих положениях: (Стойко 2014); и др.

в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, перечень которых в общем виде приведен в ст. 73 УПК РФ. С учетом особенностей конструкции указанной статьи УК РФ состояние опьянения может быть отнесено к обстоятельствам, характеризующим личность обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); данное обстоятельство является обычным и должно устанавливаться по обычным общим правилам уголовно-процессуального доказывания (в соответствии с единым «стандартом доказывания»), в порядке, предусматривающем использование любых регламентированных уголовно-процессуальным законом способов. Фактическое введение уголовно-правового запрета на установление даже одного обстоятельства уголовного дела всеми законными способами означает не только недопустимое вмешательство уголовного права в сферу уголовно-процессуального регулирования, но и разрушение единого «стандарта доказывания» по уголовным делам.

Подходы к решению проблемы толкования п. 2 примечаний к ст. 264 Уголовного кодекса РФ в доктрине и на практике. Скоротечность развития событий (включение в УК РФ п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ⁹, принятие Постановления Пленума ВС РФ¹⁰, принятие Определения КС РФ¹¹) привела к тому, что в доктрине не успели выработать обоснования необходимости того или иного отношения к решению данной проблемы. Суды принимали решения «с колес». При применении п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ на практике возникли по меньшей мере три подхода к оценке поведения лиц, совершивших нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения и скрывшихся с места ДТП. Каждый из этих подходов представляет собой своего рода специальный «стандарт доказывания» (по терминологии КС РФ — правовую модель разрешения соответствующей ситуации¹²), с помощью которого решается обозначенная проблема.

Первый подход отражен в п. 10.2 Постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 (включен 24.05.2016). Согласно данному подходу водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством. В случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения. Можно сказать, что Пленум ВС РФ истолковал п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ как имеющий уголовно-правовое значение «стандарт доказывания» по делам о нару-

⁹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

¹⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 24.05.2016 № 22 «О внесении изменений в Постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения”».

¹¹ Определение КС РФ от 16.07.2015 № 1599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егорова Константина Юрьевича на нарушение его конституционных прав ч. 6 ст. 264 УК РФ и ст. 401.1 УПК РФ».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П.

шении правил дорожного движения. Согласно указанному разъяснению состав преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, отсутствует, если не удалось выдержать определенный порядок доказывания. Нарушение правил дорожного движения в таком случае квалифицируется по ч. 1, 3 или 5 ст. 264 УК РФ в зависимости от наступивших последствий. Верховный суд РФ признал нарушение «стандарта доказывания» основанием отсутствия состава преступления. Такого рода разъяснение дается впервые. Основываясь на этом подходе, судья Верховного суда РФ направил кассационную жалобу в Президиум Ивановского областного суда.

Второй подход (хронологически он был первым) косвенно отражен в Определении КС РФ от 16.07.2015 № 1599-О¹³. Согласно этому подходу речь в п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ идет о порядке доказывания, который имеет не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное значение. Конституционный суд РФ отметил, что «нарушение своих конституционных прав заявитель связывает с доказыванием состояния опьянения без результатов его медицинского освидетельствования. Между тем вопросы доказывания относятся к предмету регулирования не уголовного закона, а Уголовно-процессуального кодекса РФ». В соответствии с данным подходом, если виновник ДТП скрылся и к моменту его задержания утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством путем медицинского освидетельствования, то квалификация содеянного по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ возможна в случае, когда состояние опьянения устанавливается при помощи иных доказательств¹⁴.

На третьем подходе настаивает Президиум Ивановского областного суда в своем обращении в КС РФ. В соответствии с этим подходом п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ имеет как уголовно-правовую, так и уголовно-процессуальную составляющую, однако описанный в нем «стандарт доказывания» применим только к случаю, когда лицо, нарушившее правила дорожного движения, не покидает места ДТП. Если же виновник ДТП скрылся, то это следует расценивать как отказ от медицинского освидетельствования и квалифицировать содеянное как преступление, совершенное в состоянии опьянения. Президиум Ивановского областного суда делает вывод об обоснованности квалификации действий Журавлева С. А., который, как следует из показаний допрошенных свидетелей, будучи в состоянии алкогольного опьянения, скрылся с места ДТП до прибытия сотрудников полиции и продолжал скрываться в дальнейшем, по ч. 6 ст. 264 УК РФ как преступление,

¹³ Заявитель по делу утверждал о несоответствии ч. 6 ст. 264 УК РФ принципу правовой определенности (подробнее об этом принципе в уголовном праве см.: Иванов 2018).

¹⁴ Этот подход был поддержан экспертами СПбГУ (авторами настоящей статьи), которые подготовили заключение по запросу судьи КС РФ А.И. Бойцова от 21.12.2017 № 1787 (не публиковалось) и пришли к следующим выводам: «1. Установленные критерии общественной опасности преступлений, предусмотренных ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, и толкование уголовного закона позволяют заключить, что наличие состава совершенного в состоянии алкогольного опьянения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, не увязывается законодателем с обязательным проведением освидетельствования на состояния алкогольного опьянения; 2. Сложившаяся на практике “обязательность” подтверждения состояния опьянения медицинским освидетельствованием (или экспертизой) не означает невозможности использования иных доказательств, при условии что они способны подтвердить данное обстоятельство. Иное означало бы игнорирование установленных законом правил доказывания и, по сути, отказ от законного уголовного преследования» (воспроизводится по материалам из личного архива авторов).

совершенное в состоянии опьянения по признаку невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ. Данный вывод обосновывается ссылкой на п. 2.6 Правил дорожного движения РФ, согласно которому, если в ДТП погибли или ранены люди, водитель, причастный к нему, обязан ожидать сотрудников полиции.

По понятным причинам на практике стал доминировать подход, отраженный в разъяснениях Пленума ВС РФ, который приводит к тому, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения и скрывшееся с места ДТП, несет более мягкую ответственность по сравнению с лицом, совершившим преступление в состоянии опьянения и не скрывшимся с места ДТП. Однако в принятой в уголовном законе системе дифференциации ответственности должно быть с точностью до наоборот: более опасное поведение лица, которое скрылось с места ДТП, и именно оно должно нести более строгую ответственность.

Вот почему можно сказать, что Президиум Ивановского областного суда вполне обоснованно обратился за разъяснениями в КС РФ. Сложившееся положение явно противоречит принципу справедливости, поскольку означает создание правовой привилегии (привилегированной нормы), конституционность которой и была оспорена названным судом.

Решение Конституционного суда РФ и его правовые последствия. Конституционный суд РФ в Постановлении от 25.04.2018. № 17-П признал:

- 1) Уголовный кодекс РФ содержит «стандарт доказывания» наличия состояния опьянения у водителя, нарушившего правила дорожного движения;
- 2) предусмотренный «стандарт доказывания» направлен на создание правовой гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ лиц, в состоянии опьянения не находившихся¹⁵;
- 3) ни сам по себе, ни по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, этот «стандарт доказывания» не может расцениваться как противоречащий требованиям Конституции РФ, ее ст. 19 (ч. 1), 49 и 55 (ч. 3);
- 4) предусмотренный «стандарт доказывания» содержит пробел, поскольку в нем отсутствует правило доказывания применительно к типичному случаю (когда виновник ДТП скрылся с места происшествия). Конституционный суд РФ не принял позицию Ивановского областного суда, согласно которой лицо, скрывшееся с места ДТП, по правовым последствиям следует приравнивать к лицам, отказавшимся от медицинского освидетельствования, поскольку имела бы место трактовка закона по аналогии, которая в уголовном праве запрещена (ст. 3 УК РФ);
- 5) наличие пробела в «стандарте доказывания» породило ситуацию, когда управлявшие транспортными средствами лица, оставшиеся на месте ДТП в соответствии с правилами дорожного движения (в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного тре-

¹⁵ О проблемах доказывания наличия состояния опьянения см.: (Аксенова-Сорохтей и др. 2018).

бования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), оказываются в неравном (худшем) положении по сравнению с лицами, скрывшимися с места ДТП, в отношении которых возможность подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления в соответствии с п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, по сути, утрачивается. Конституционный суд РФ признал уголовно-правовое значение стандарта доказывания, тем самым отказавшись от позиции, отраженной в своем Определении от 16.07.2015 № 1599-О, где он расценивал п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ как имеющий лишь уголовно-процессуальное значение. Повидимому, сыграло роль то обстоятельство, что в КС РФ обратился Президиум Ивановского областного суда, поставив под сомнение позицию Пленума ВС РФ. В то же время КС РФ, отметив уголовно-правовое значение «стандарта доказывания», тем не менее не признал его признаком состава преступления. Можно говорить о наличии обстоятельства, исключающего вменение отдельного признака состава (в нашем случае это квалифицирующий признак — совершение преступления в состоянии опьянения);

- б) сложившееся положение не отвечает цели эффективного уголовно-правового противодействия преступлениям, предусмотренным ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, совершенным лицами, управлявшими транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимися с места ДТП. Имеет место конституционно значимый пробел в законодательной дифференциации ответственности, что входит в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости, а также с требованием соразмерности уголовно-правовой репрессии совершенному преступному деянию. Конституционный суд РФ указал на очевидную несправедливость предложенного Пленумом ВС РФ подхода к применению ст. 264 УК РФ. Изменение УК РФ, в соответствии с которым состояние опьянения определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством РФ об административных правонарушениях, как вытекает из названия закона (Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения»), связано с усилением ответственности за транспортные преступления, а также с конкретизацией понятия опьянения, но никак не с ослаблением ответственности за отдельные виды транспортных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Это было сделано для целей правовой определенности уголовно-правового запрета, проведения четкой границы, позволяющей отделить преступное от не преступного (в случае со ст. 264.1 УК РФ), основной состав преступления от квалифицированного (в случае со ст. 264 УК РФ). Последующее изменение п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ также связано именно с конкретизацией понятия состояния опьянения. На это непосредственно указывается в названии Федерального закона от 03.07.2016 № 328-ФЗ, который именуется «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ в части конкретизации понятия “состояние опьянения”»;

7) п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ не соответствует Конституции РФ, ее ст. 15 (ч. 2), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные ст. 264 УК РФ тяжкие последствия, и скрылось с места ДТП, в преимущественное положение — с точки зрения последствий своего поведения — по сравнению с лицами, управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте ДТП, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Признав неконституционным положение п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, КС РФ согласился с толкованием закона, которое дал Пленум ВС РФ, адресовав претензию не правоприменителю, а законодателю.

Используя опыт блокировки привилегированной нормы¹⁶ КС РФ следующим образом определил порядок исполнения своего постановления: 1) федеральному законодателю надлежит в течение года внести изменения в законодательство; 2) до внесения изменений сохраняется сложившийся порядок применения п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ; 3) если в течение года изменения в законодательство внесены не будут, то п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ утрачивает силу.

Таким образом, если преступление совершено или будет совершено до изменений УК РФ, но не позднее 26 апреля 2019 г., то лица, управлявшие транспортным средством в состоянии опьянения, нарушившие правила дорожного движения и скрывшиеся с места ДТП, когда невозможно путем медицинского освидетельствования установить состояния опьянения, не будут нести ответственность по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, их деяние подлежит квалификации по ч. 1, 3 или 5 ст. 264 УК РФ в зависимости от наступивших последствий.

Если в течение года изменения в УК РФ не будут внесены, то деяния указанных лиц, совершенные после 26 апреля 2019 г., станут квалифицироваться так, как это было до дополнения УК РФ п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, т. е. на основе собранных доказательств о наличии состоянии опьянения.

После внесения изменений в УК РФ квалификация деяний указанных лиц начнет осуществляться по новым правилам. Какие это будут правила — вопрос открытый. Законодателю требуется ответить по меньшей мере на три вопроса: 1) надо ли в законодательстве предусматривать специальный «стандарт доказывания» совершения преступления в состоянии опьянения; 2) если надо, то каково будет юридическое значение несоблюдения этого стандарта; 3) какими технико-юридическими средствами реализовывать идею закрепления в законодательстве «стандарта доказывания»?

¹⁶ Постановление КС РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» (о правовых последствиях блокировки привилегированной нормы см.: Пряхина, Щепельков 2015).

Признание практики применения ст. 264 УК РФ правомерной в течение определенного времени порождает две проблемы, о которых практически не говорят.

Первая проблема связана с распространением «стандарта доказывания» на все преступления, совершенные в состоянии опьянения. Совершение преступления в состоянии опьянения согласно ст. 63 УК РФ является отягчающим наказанием обстоятельством. Квалификационное значение состояние опьянения имеет только применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ. Поскольку «стандарт доказывания» предусмотрен в одном случае, логично поставить вопрос о необходимости такого стандарта и для других случаев, когда состояние опьянения имеет уголовно-правовое значение.

Вторая проблема связана с применением обратной силы п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ. Судам потребуется поднимать все дела о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения, и устанавливать по ним отсутствие привилегированного обстоятельства. Если по делу не было проведено медицинского освидетельствования, но при этом состояние опьянения было учтено как квалифицирующее или отягчающее наказание обстоятельство, то, по-видимому, требуется пересмотр приговора¹⁷.

3. Выводы. Перспективы закрепления в законодательстве «стандарта доказывания»: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Конституционный суд РФ, как было отмечено выше, признал обоснованным включение в законодательство специального «стандарта доказывания» совершения преступления в состоянии опьянения. Отказ от «стандарта доказывания», предусмотренного п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, приведет к снижению гарантий обоснованности признания лица совершившим преступление в состоянии опьянения. Соглашаясь в целом с данной позицией, стоит, однако, остановиться на вопросе о юридическом значении такого стандарта, в частности о возможности придания ему исключительной силы.

Совершенно очевидно, что уголовно-процессуальный закон не содержит никакого иного понимания доказывания, кроме выявленного нами выше. Применительно к такому обстоятельству, как состояние опьянения, это означает, что его нужно устанавливать теми способами, которые предусмотрены законом, и оценивать степень доказанности по установленным законом критериям (по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств). Иное вступает в противоречие с Конституцией РФ, ч. 1 ст. 49 которой провозглашает право на презумпцию невиновности, а ч. 2 ст. 50 устанавливает запрет на использование при осуществлении правосудия незаконно полученных доказательств.

В связи со сказанным нельзя согласиться с позицией¹⁸, согласно которой водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить

¹⁷ В свое время проблемы применения обратной силы вынудили ВС РФ организовать по этому вопросу специальную научно-практическую конференцию (см. обзоры этой конференции: Петрученков 2012; Затеппин, Черепенникова 2012).

¹⁸ См. п. 10.2 Постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008, введенного Постановлением Пленума ВС РФ от 24.05.2016 № 22.

факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством, либо если водитель не скрывался с места происшествия, но отказался от прохождения медицинского освидетельствования.

Дело заключается не только в том, что за этой распространенной на практике позицией скрывается нормотворчество, осуществляемое не органом законодательной власти. Руководствуясь данной позицией, правоохранительные органы лишают обвиняемых по такой категории дел права на защиту, ведь состояние опьянения, исходя из этого решения, презюмируется, а не доказывается. Таких неопровержимых презумпций в законе нет и быть не может. Иное означало бы отказ от принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Доказывание любого обстоятельства, указанного в ст. 73 УПК РФ, не исключает использования любых предусмотренных законом доказательств. Сложившаяся на практике «обязательность» подтверждения состояния опьянения медицинским освидетельствованием (или экспертизой) отнюдь не означает невозможности использования иных доказательств, при условии что они способны подтвердить данное обстоятельство. Иное означало бы игнорирование установленных законом правил доказывания и, по сути, отказ от законного уголовного преследования.

Разумеется, подобного рода «обязательность» имеет некоторое значение, гарантирующее от незаконного уголовного преследования лиц в ситуации, когда они находились на месте совершения дорожно-транспортного преступления, не отказывались от освидетельствования, но оно не было проведено. Такие лица, действительно, не могут быть признаны совершившими преступление в состоянии опьянения только на основании того, что медицинское освидетельствование не было проведено по независящим от них причинам. Однако это не означает, что доказывание состояния опьянения другими законными способами исключается вообще. В противном случае «обязательность» медицинского освидетельствования превращается в фактор, провоцирующий подозреваемых в совершении дорожно-транспортного преступления в состоянии опьянения на то, чтобы скрыться с места совершения преступления.

В связи с изложенным предпочтительным видится следующий вариант изменения УК РФ: в случае невозможности на момент медицинского освидетельствования установить наличие состояния опьянения у лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в силу того, что оно скрылось с места ДТП, следует принимать решение о наличии состояния опьянения на основе иных доказательств. Этот вариант сохраняет «стандарт доказывания» и не нарушает принципов дифференциации уголовной ответственности.

Пункт 2 примечаний к ст. 264 УК РФ может быть сформулирован следующим образом:

2. Для целей настоящей статьи и статьи 264.1 настоящего Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных

психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Если лицо, управлявшее транспортным средством, скрылось с места дорожно-транспортного происшествия и нет возможности провести его медицинское освидетельствование на наличие состояния опьянения, то вывод о совершении преступления в состоянии опьянения делается на основе иных доказательств.

Библиография

- Аксенова-Сорохтей, Юлия Н., Елена А. Барановская, Ольга Л. Кузьмина, Анна Б. Маханек. 2018. «Актуальные проблемы установления состояния опьянения лица, управляющего транспортным средством, при расследовании дорожно-транспортных преступлений». *Всероссийский криминологический журнал* 12.3: 375–386.
- Бурлаков, Владимир Н. 2006. *Уголовное право и личность преступника*. СПб.: Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Бурлаков, Владимир Н., Николай М. Кропачев (ред.). 2016. *Криминология: учебное пособие*. СПб.: Питер.
- Зателепин, Олег К., Юлия С. Черепенникова. 2012. «Актуальные вопросы действия закона во времени в свете гуманизации уголовного законодательства: доктрина и практика: обзор конференции». *Уголовное право* 5: 6–12.
- Иванов, Никита Г. 2018. «Принцип правовой определенности в уголовном праве». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 4 (44): 161–166.
- Козочкин, Иван Д. (ред.). 1999. *Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии)*: сб. законодательных материалов. М.: Зерцало.
- Лебедев, Вячеслав М., Вячеслав П. Божьев. (ред.). 2014. *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации*. М.: Юрайт.
- Лебедев, Вячеслав М., Анна В. Галахова (ред.). 2009. *Особенная часть уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика*. М.: Городец.
- Муравьев, Михаил В. 2017. «О пересмотре правовых стандартов доказывания и доказательств в уголовном процессе». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России* 2: 141–145.
- Павлов, Владимир Г. 2001. *Субъект преступления*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Петроченков, Анатолий Я. 2012. «Научно-практическая конференция Верховного Суда РФ по вопросам практики по уголовным делам». *Уголовное право* 5: 4–5.
- Пряхина, Надежда И., Владислав Ф. Щепельков. 2015. «Ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: социально-правовая обоснованность, правоприменения, перспективы в свете решения Конституционного Суда РФ». *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права* 9.2: 277–289.
- Смирнов, Александр В. 2018. *Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе*. М.: Норма, ИНФРА-М.
- Стойко, Николай Г. 2014. «Соответствует ли ст. 455 УПК РФ Конституции РФ?». *Межвузовский сборник научных трудов: Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Кутафинские чтения*: 118–120. М.: Университет им. О. Е. Кутафина.
- Musin, Valeriy A., Nikolay M. Kropachev 2011. *Russian law in brief: Digest for foreign investors*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2018 г.;
рекомендована в печать 14 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Щепельков Владислав Федорович — д-р юрид. наук, проф.; volga0@yandex.ru

Бурлаков Владимир Николаевич — д-р юрид. наук, проф.; v.burlakov@spbu.ru

Стойко Николай Геннадьевич — д-р юрид. наук, проф.; n.stoiko@spbu.ru

Сидорова Наталия Александровна — канд. юрид. наук, доц.; nasi@inbox.ru

Standard evidence of alcohol intoxication in road traffic cases. Criminal law and criminal procedure value. Realities and perspectives

V. F. Shchepel'kov, V. N. Burlakov, N. G. Stoiko, N. A. Sidorova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shchepel'kov, Vladislav F., Vladimir N. Burlakov, Nikolai G. Stoyko, Nataliia A. Sidorova. "Standard evidence of alcohol intoxication in road traffic cases. Criminal law and criminal procedure value. Realities and perspectives". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law 2*: 373–389. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.212>

The article discusses the criminal and criminal procedural law enforcement issues in the context of crimes, described in article 264 the Russian Federation Criminal Code, committed under the influence of alcohol when offender left the scene of the road traffic accident. At the present time, there is a prohibition for this category of criminal cases to identify alcohol intoxication in any ways other than medical examination. Many researchers are trying to figure out whether it is criminologically justified to include rules on criminal liability for crimes committed under influence of alcohol to Russian Federation Criminal code and how it aligns with uniform standard of proof in criminal proceedings (uniform criminal-procedural regulations) and modern practical and theoretical approaches to the issue (including those, formed under influence of Supreme and Constitutional Courts rulings). In their opinion, above prohibition contradicts the principle of justice, and thus, to some extent, undermines criminological justification of criminal liability for crimes committed under influence of alcohol, leads to the violation of the uniform standard of proof and provokes suspects to leave the scene of road traffic accident. They see the solution of the issue in the abolition of the prohibition, but with retention of the criminal and procedural regulation of the situation in general (and offer the proposal to the lawmaker).

Keywords: road traffic offences, alcohol intoxication, medical screening, leaving guilty scene, standard evidence.

References

- Aksenova-Sorokhtei, Iuliia N., Elena A. Baranovskaia, Ol'ga L. Kuz'mina, Anna B. Makhanev. 2018. "Aktual'nye problemy ustanovleniia sostoianiia op'ianeniia litsa, upravliaiushchego transportnym sredstvom, pri rassledovanii dorozhno-transportnykh prestuplenii" ["Topical issues of determining a vehicle driver's intoxication in the investigation of road traffic offences"]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian journal of criminology]* 12.3: 375–386. (In Russian)
- Burlakov, Vladimir N. 2006. *Ugolovnoe pravo i lichnost' prestupnika [Criminal law and the identity of the offender]*. St. Petersburg: Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University. (In Russian)
- Burlakov, Vladimir N., Nikolai M. Kropachev (eds). 2016. *Kriminologiya: uchebnoe posobie [Criminology: tutorial]*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russian)

- Ivanov, Nikita G. 2018. "Printsip pravovoi opredelennosti v ugovnom prave" ["The principle of legal certainty in criminal law"]. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia] 4 (44): 161–166. (In Russian)
- Kozochkin, Ivan D. (ed.). 1999. *Ugovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran (Anglii, SShA, Frantsii, Germanii, Iaponii): sb. zakonodatel'nykh materialov* [The criminal legislation of foreign countries (England, United States, France, Germany, Japan). Collection of legislative materials]. Moscow: Zertsalo Publ. (In Russian)
- Lebedev, Viacheslav M., Viacheslav P. Bozhëv (eds). 2014. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Science and Practice Commentary to Criminal Procedure Code of Russian Federation]. Moscow: Iurait Publ. (In Russian)
- Lebedev, Viacheslav M., Anna V. Galakhova (eds). 2009. *Osobennaia chast' ugovalnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Kommentarii. Sudebnaia praktika. Statistika* [Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Comment. Judicial practice. Statistics]. Moscow: Gorodets Publ. (In Russian)
- Muravëv, Mikhail V. 2017. "O peresmotre pravovykh standartov dokazyvaniia i dokazatel'stv v ugovnom protsesse" ["On the revision of the legal standards of proof and evidence in criminal proceedings"]. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia] 2: 141–145. (In Russian)
- Musin, Valeriy A., Nikolay M. Kropachev 2011. *Russian law in brief: Digest for foreign investors*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- Pavlov, Vladimir G. 2001. *Subjekt prestupleniia* [The perpetrator of the crime]. St. Petersburg: Law Center Press (In Russian).
- Petrochenkov, Anatolii Ia. 2012. "Nauchno-prakticheskaiia konferentsiia Verkhovnogo Suda RF po voprosam praktiki po ugovnym delam" ["The Scientific and Practical Conference of the Supreme Court on the Issues of Court Practice in Criminal Cases"]. *Ugovnoe pravo* [Criminal Law] 5: 4–5. (In Russian)
- Priakhina, Nadezhda I., Vladislav F. Shchepel'kov. 2015. "Otvettvennost' za moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoi deiatel'nosti: sotsial'no-pravovaia obosnovannost', pravoprimeneniia, perspektivy v svete resheniia Konstitutsionnogo Suda RF" ["Responsibility for business fraud: social legal reasonability, law enforcement, prospects in terms of decision of the Constitutional Court of the Russian Federation"]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal Baikal State University of Economy and Law] 9.2: 277–289. (In Russian)
- Smirnov, Aleksandr V. 2018. *Formal'nye sredstva dokazyvaniia v ugovnom prave i protsesse* [Formal Evidence in Criminal Law and Procedure]. Moscow: Norma, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Stoyko, Nikolai G. 2014. Sootvetstvuet li st. 455 UPK RF Konstitutsii RF? [Whether art. 455 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Constitution?]. *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov: Konstitutsionalizm i pravovaia sistema Rossii: itogi i perspektivy. Kutafinskie chteniia* [Intercollegiate scientific papers: Constitutionalism and the legal system in Russia: results and prospects. Kutafinskie reader]: 118–120. Moscow: University by named O. E. Kutafin Publ. (In Russian)
- Zatepin, Oleg K., Iuliia S. Cherepennikova. 2012. "Aktual'nye voprosy deistviia zakona vo vremeni v svete gumanizatsii ugovalnogo zakonodatel'stva: doktrina i praktika": obzor konferentsii" ["Challenges of operation of law in time in the light of humanization of criminal legislation: doctrine and practice": conference overview"]. *Ugovnoe pravo* [Criminal Law] 5: 6–12. (In Russian)

Received: September 15, 2018

Accepted: February 14, 2019

Author's information:

Vladislav F. Shchepel'kov — Dr. Sci, professor; volga0@yandex.ru

Vladimir N. Burlakov — Dr. Sci, professor; v.burlakov@spbu.ru

Nikolai G. Stoyko — Dr. Sci, professor; n.stoiko@spbu.ru

Nataliia A. Sidorova — PhD, associate professor; nasi@inbox.ru